

Андрей
Бехтерев

ДОМ КНИГИ

Андрей Бехтерев

Дом Книги

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24458324

Аннотация

Девушка Света после смерти родителей страдает психическим расстройством. Доктора не в состоянии ей помочь. Болезнь прогрессирует. Спасти ее вызывается Дмитрий, новый приятель Светы. Он очарован девушкой и ради неё готов на всё. По совету лечащего врача Дмитрий отправляется на встречу с писателем Златаном. Врач считает одну из книг Златана причиной болезни девушки. Живет писатель в "Доме Книги", панельной 16-этажке в центре города на первом этаже которой когда-то располагался книжный магазин...

Содержание

1. Город	4
Конец ознакомительного фрагмента.	57

1. Город

Электричка остановилась на конечной станции. Дима снял с полки сумку и пошел вместе со всеми на выход. На вид Диме было лет 20, по паспорту – 27. После долгого топтания в людской пробке перед мостом, медленного подъема и спуска, Дима вышел на вокзальную площадь. Люди разбежались по своим автобусам и маршруткам. Молодой человек достал из кармана листок, что бы посмотреть номер нужного ему автобуса. Было очень жарко...

Через 20 минут автобус доставил Диму по нужному адресу. Одноэтажный каменный дом находился в частном секторе, недалеко от центра. Закинув на плечо свою нелегкую сумку, Дима перешел дорогу, свернул за угол, открыл калитку и, обойдя дом, нашел входную дверь. Вытащив из кармана связку ключей, он стал примеряться к замку, но дверь оказалась открытой. Дима вошел. В коридоре было сумрачно и тихо. Дима подошел к одной из 3-х дверей, открыл 2 замка, зашел внутрь и поставил сумку на пол.

Комната была крошечной – узкой и длинной. Она упиралась в большое, на пол стены, окно. В углу лежал черный пакет, в котором был матрас и постельные принадлежности. Дима расстелил матрас, сел на него и стал распаковывать

свою сумку...

Через полчаса Дима с кастрюлькой и упаковкой, предусмотрительно купленных еще в Москве, пельменей, вышел на кухню. Он был в этом доме только один раз – два года назад, когда вместе с риэлтером осматривал приобретаемую недвижимость. Тогда этот дом Диме совсем не понравился, но комнатку пришлось купить. Ничего столь же дешевого не нашлось.

Молодой человек повернул ржавый кран, набрал холодной воды, зажег газ, и поставил на конфорку кастрюлю. Когда вода закипела, Дима бросил в нее пельмени, накрыл крышкой и вернулся в свою комнату. Он забыл сметану. Едва Дима зашел к себе, со скрипом отворилась соседская дверь и тяжелые шаги протопали по коридору в сторону кухни. Молодой человек знал, что здесь еще две квартиры, и что все удобства и неудобства придется с кем-то делить. Своих соседей Дима не знал и особого оптимизма по поводу знакомства с ними не испытывал. Но знакомиться надо было по любому. Дима планировал здесь зависнуть надолго. Держа в руках сметану, Дима пошел на кухню. У плиты стоял крупный пожилой мужчина в трико и белой маечке. Он заглядывал в Димину кастрюлю.

– Здравствуйте, – громко сказал Дима.

Мужчина повернулся.

– Пельмени? – спросил он неожиданно высоким голосом,

показывая на кастрюлю.

Дима кивнул. Мужчина отошел от плиты и сел на одну из табуреток. В глаза бросался большой заштопанный шрам на его правой щеке – от губ и почти до уха. А так лицо было стандартно красным, морщинистым и опухшим.

– Тот самый москвич? – спросил мужчина, разглядывая Диму.

– Да.

– Не особенно торопились к нам. Насовсем или отобедать?

– Думаю надолго, – ответил молодой человек.

– Что в Москве совсем скучно жить стало?

– Нет, почему? Просто, надеюсь, здесь будет веселее, – решил сострить Дима. Сосед улыбнулся и подмигнул.

– Да, – сказал он, – девушки здесь гораздо дешевле, только сначала их найди. Как тебя зовут-то?

– Дмитрий.

– А я Гриша, – представился сосед.

Состоялось рукопожатие, после чего крышка Диминой кастрюли запрыгала, и кипящая вода стала заливать газ. Молодой человек подбежал к плите и с помощью футболки снял крышку...

Через 5 минут пельмени были готовы. Дима накидал пельмени в тарелку и сел на табурет, напротив Гриши.

– Будете? – спросил Дима, кивая на свой обед.

Сосед отрицательно качнул головой, не сводя с Димы глаз.

– Что-то хотите сказать? – улыбнулся молодой человек, пытаясь скрыть раздражение столь бесцеремонным вниманием.

– Не хочу, но скажу. Я знаю, почему ты здесь, – улыбнулся Гриша и, не дожидаясь ответа, продолжил. – Ты стырил в столице кучу бабла и теперь решил схорониться, пока коммунизм не наступит.

– Не угадали.

– Ну да, насчет коммунизма я загнул. Ты не бойся. Мы тебя не выдадим, – засмеялся Гриша, – но шантажировать будем.

– Мне скрывать нечего, – ответил Дима, уплетая пельмени. – Это моя комната и 1/3 вашего туалета принадлежит мне.

– Да я пошутил. Знаю, я вашу Москву. Там все друг друга хотят убить и уже сами не помнят, кто у кого что стыбзил. Кстати, правду говорят, что в Москве евреев больше, чем пидоров?

– Не знаю, – ответил Дима и продолжил поедание пельменей. Его раздражение прошло. Сосед был занятным, но таил в себе угрозу стать приятелем.

– А где алкоголь? – спросил Гриша, – Как можно есть пельмени без алкоголя?

– У меня осталось половина виски, Jack Daniel's – ответил Дима – Принести?

– Виски – не для нашей прописки, но неси.

Дима быстро сходил в комнату за бутылкой. Вернувшись, он взял с полки 2 рюмки и поставил на стол. Гриша свою рюмку отодвинул.

– Выпей сам, хоть за тебя порадуюсь, – сказал он.

– А за себя порадоваться?

– Да закодировался я на полгода. Вшил ампулу смерти. Представь, 5 месяцев прошло, а как 5 веков. Ну, давай выпей за знакомство.

Дима выпил и закусил пельменем, а Гриша аж крякнул от, понятного только ему, удовольствия.

– Никогда не пей за здоровье, – продолжил сосед. – Здоровье – это наш первый враг, а мы за него пьем такие замечательные напитки. Тебя когда-нибудь вызывали к себе внутренние органы? Твои собственные внутренние органы? Это месиво на костях? – Гриша показал на свой внушительный живот. – А меня вот вызвали и приговорили к 5 векам пыток, но ничего. Я отыграюсь. Немного осталось. Кстати, я по этому поводу сочинил короткий стишок в прозе. Название будет в конце, – Гриша, не уточнив, хочет ли Дима его слушать, сделал паузу и стал нараспев читать свой стишок. – Ножкам нужен алкоголь? Нет, ножки подкашивает. Ручкам нужен алкоголь? Нет, это алкоголю нужны ручки. Кишки, печенька, селезенка, почки плачут: «Прекрати заливать». Сердце бьется, боится, не выдержит. Мозг плывет, ничего не помнит. И, однажды, собравшись, тело приходит к человеку с плакатом:

«Прекрати пить, а то здоровью не быть!». А человек плюет и дальше пьет. – Гриша сделал паузу – Стихотворение называется: «Алкоголизм, как доказательство существования души».

Сосед замолчал и склонил голову, будто ждал аплодисментов.

– Любопытно, – сказал Дима с улыбкой и налил себе еще. – За поэзию? – спросил он, поднимая рюмку.

– Принимается.

Дима еще раз выпил. Гриша еще раз крикнул.

– Что? Красиво? – спросил Гриша, показывая на свой шрам, делящий его лицо напополам. Дима не мог на него не смотреть. – Это травма. Производственная. Не соблюл технику безопасности.

– Кем вы работаете? – спросил Дима.

– Работал. Клоуном.

– В цирке?

– Ага. В цыганском цирке. Такие паузы собой заполнял, каких ты никогда не дослушаешь.

– Вы были настоящим клоуном? – уточнил Дима.

– Конечно, нет. Просто работал клоуном. Настоящим клоуном я сейчас стал, на пенсии. И это уже не поэзия и даже не проза. Сатира, блин.

– Пенсионеров-клоунов я видел, а клоуна-пенсионера первый раз, – засмеялся Дима.

– Ты злой или просто сволочь? – нахмурился Гриша, разо-

злившись на шутку.

– Это же юмор, – сказал Дима улыбаясь. Он видел, что сосед нахмурился несерьезно.

– Ладно. Тебе, как дилетанту, прощается, – сказал Гриша и вернул на лицо улыбку. – Соседку видал?

– Соседку? – переспросил Дима. – Нет еще.

– Не трудно догадаться. Если бы ты ее видел, мы бы сейчас не терли тут всякую ерундень.

– И кто она?

– Соседка – Светка. Зовут ее Светланой. Представь ситуацию. Живешь с одинокой девушкой под одной крышей, так сказать, спим вдвоем, но через 2 твоих стенки. Понятно, что я – чувак в отставке, старый, лысый, но какой смысл прятаться друг от друга. Я ей так и сказал однажды: «давай спать вместе, надо бороться со скукой и побеждать уныние». А она даже не поняла о чем я, – клоун Гриша задумчиво посмотрел в потолок. – Она красивая. Такой типаж, знаешь – не макияжа толком, ни кос, ни юбочек, а сама по себе хороша. И то, что она псих в законе ей даже идет.

– Псих в законе? – не понял Дима, заинтересовавшись информацией о соседке.

– Ага. Лежала в психической лечебнице полгода. Вместе с родителями на автомобиле столкнулись с грузовиком. Мама с папой – на кладбище, а у дочки голова поплыла. Полгода пролечилась в психушке, а потом вернулась. Конечно, не совсем вылечили, но успокоили. Она и сейчас часто гонит –

не поймешь, о чем говорит, что делает. Но по мне псих – не псих, был бы тих. Обидно только, что она все понимает, а ее никогда не поймешь. Шулерский почерк. Хитрющая дивчина. Кстати, сюда доктор ее заходил – попросил, мол, «начнет бузить, звони, заберем назад». А я не собираюсь звонить, и ты тоже не собирайся. Наша соседка, как китайский фейерверк – не знаешь, куда пальнет, но знаешь, что глаз не отдашь. Я даже влюбился бы, но сейчас с алкоголем проблемы. Не до этого. А ты – молодой, красивый. Почему бы не полюбопытствовать туда-сюда?

– И где сейчас соседка? – спросил Дима.

– Кто знает, – усмехнулся Гриша, – 2 ночи не ночевала. Регулярно где-то пропадает. Может амуры крутит, а может чертям хвосты. Кстати, если не знаешь, то она из нас самая крутая домовладелица. У нее 2 комнаты и в сумме 42 квадрата. Не то, что мы с тобой – в пол-сарайки канарейки.

Гриша взял Димину рюмку, понюхал, смахнул клоунскую слезу и поставил рюмку на место. Дима улыбнулся и налил себе еще. В этот момент скрипнула калитка. Гриша напрягся, отодвинул оконную занавеску и расплылся в улыбке.

– Идет, – сказал Гриша. – Летит на огонек.

Хлопнула входная дверь. В коридоре что-то шумно упало. Дима в ожидании уставился в дверной проем. Вскоре в нем показалась девушка.

– Здравствуйте, – громко сказала она, даже не взглянув на кухню и, не останавливаясь, пошла по коридору.

– Света, – громко окликнул ее Гриша. – Иди сюда. Разве тебе не интересен наш новый сосед?

Через несколько секунд Света снова показалась в дверном проеме. Девушка прошла в кухню, остановилась перед Димой, смерила его взглядом и улыбнулась.

– Дима, – представился «новый сосед», также смерив девушку взглядом. Она была однозначно красавица. Одета была скромно – джинсы, кроссовки, блузка с надписью: «I am your passion».

– Пельмени? – спросила девушка, кивая на Димину тарелку.

– Будете? – уточнил Дима. Света засмеялась и, не отвечая, вышла с кухни. Вскоре хлопнула дверь в ее квартиру.

– Ничего себе – почесал затылок Гриша. – Ты ей понравился.

На улицу не хотелось. Дима включил ноутбук, нашел фильм, который давно хотел посмотреть, надел наушники. Через 15 минут просмотра молодой человек поставил фильм на паузу и подошел к окну. Диму распирало – с одной стороны хотелось куда-нибудь пойти, с другой стороны – идти было некуда. Услышав шорох в коридоре, он подошел к двери. Что-то загремело на кухне. Дима открыл дверь, и чуть не врезался в соседку Свету. Она шла с кухни, держа в руках чашку с чаем.

– Привет еще раз, – сказал молодой человек и улыбнулся.

– Привет, Дима, – сказала девушка, остановившись рядом. Молодой человек стал подбирать слова для разговора. В голове вертелось только «познакомимся поближе?». Фраза была смешной, и Дима не решился ее произнести. Девушка прошла мимо, подошла к своей двери и обернулась на пороге.

– Зайдешь? – неожиданно предложила она.

– У тебя здесь симпатично.

– Спасибо. У меня много где симпатично, – ответила Света, беря в руки пульт от телевизора. Телевизор заработал без звука.

– Ты зачем приехал? – спросила девушка.

– Ну... – промычал Дима, – просто возникла необходимость. Что-то не так?

Света не стала отвечать. Она переключала каналы, а Дима продолжал ее рассматривать. Первое впечатление не обмануло. Девушка действительно была красивой.

– Надолго? – спросила Света, остановившись на одном из каналов.

– Не знаю, – ответил Дима. – Пока не надоест.

– И чем тебя надо развлекать, что бы ты ни сбежал? – спросила она, с улыбкой взглянув на нового соседа.

– Зачем меня развлекать? – ответил Дима. – Хотя вопрос интересный. Я подумаю.

– Я могу тебе показать наш город.

– Это было бы здорово.

– Это будет здорово.

На следующее утро Дима проснулся от стука в дверь. Соседка Света звала его гулять. Через полчаса они вышли на улицу. Сначала они шли по пустынным закоулкам, а потом неожиданно оказались в центре города. Тотчас стало шумно и многолюдно. Был солнечный выходной. Люди гуляли семьями, никуда не спешили. Дима пытался наладить разговор, но Света отвечала чаще невпопад и беседа не клеилась. Шутки получались глупыми, каламбуры не складными. От вчерашней легкости не осталось следа.

Вскоре они подошли к 4-этажному зданию. Это был центральный универмаг города. Света повела Диму к главному входу. Они прошли сквозь крутящиеся двери. Магазин был вполне цивилизованным. На первом этаже располагались парфюм, кошельки, сумочки, бижутерия и так далее.

– Я тебе покажу, – сказала Света, подняла указательный палец и, кинув головой Диме, быстро пошла вперед. Молодой человек поспешил следом. Света остановилась у винтовой лестницы, с белыми ступеньками и стеклянным бортиком. Она вела на второй этаж.

– Ты ходил по таким лестницам? – спросила Света.

– Наверное, – не совсем понял вопрос Дима.

– Тогда иди первым, – сказала Света и подтолкнула Диму к ступенькам. Дима пошел вверх и, через несколько се-

кунд оказался на втором этаже. Света, внимательно проследив за Диминым подъемом, осторожно вступила на лестницу и вскоре оказалась рядом. На втором этаже продавали одежду и обувь, но Свету интересовала сама лестница. Она перевела взгляд с лестницы на Диму, снова вступила на ступеньки и быстро вернулась на первый этаж. Дима после небольшой паузы, спустился следом. Света уже стояла у прилавка с бижутерией. Молодой человек подошел к ней.

– Тут еще несколько лестниц, – сказала Света, рассматривая витрину. – И не все такие врушки. Посмотрим?

– Давай, – кивнул Дима. Света оторвалась от витрины и повела молодого человека мимо многочисленных отделов к широкой лестнице в два пролета понимающейся на второй этаж.

– Ты так любишь лестницы? – спросил Дима, догоняя девушку.

– Нет. Не так, а совсем по-другому, – Света улыбнулась, останавливаясь перед лестницей. Дима встал рядом. Света взяла его за руку, и повела его вверх. Дима попытался идти поближе к перилам, но Света повела его по центру, что было неудобно. Они поднялись на второй этаж. Потом Света отпустила руку своего спутника и, подбежав к перилам, вприпрыжку сбежала вниз. Дима почесал затылок. Девушка чудачила, но, в общем-то, его об этом предупреждали. Спустившись следом, Дима застал девушку за выбором парфюма. Потом они зашли в отдел сувениров. Свете очень понравился.

вилась несуразная ваза, завернутая в исписанный иероглифами свиток. Она попросила показать вазу, долго крутила ее в руках, потом, сказав: «спасибо», вернула ее недовольной продавщице.

– Слишком дорого, – сказала она Диме, когда они вышли из отдела.

– Почему дорого? – сказал молодой человек. – Я могу купить ее тебе.

– Сначала меня купи, – ответила Света.

Они вернулись домой вечером. Клоун Гриша уже спал.

– Можно посмотреть? – спросила Света, показывая Диме на дверь в его комнату. Дима улыбнулся и кивнул. Открыв дверь, он пропустил свою соседку вперед. Света прошагала от двери к окну, присела на корточки и похлопала по расстеленному на полу матрасу.

– Жестко, – сказала она с улыбкой.

– Не нравится? – спросил Дима.

– Нет, – сказала Света, – Пошли ко мне. У меня и кровать и диван.

Дима с радостью согласился. Они пошли к Свете.

– Ты пьешь вино? – спросила Света, достав из холодильника бутылку.

– Спасибо. А у меня виски осталось, Jack Daniel's. Принести?

– Принеси.

Через минуту Дима вернулся к соседке с почти пустой черной бутылкой.

– Никогда не пробовала виски. Вкусно? – спросила Света, поднимая за рюмку

– Попробуй, – улыбнулся Дима и чокнулся с девушкой.

– За нас, – сказал молодой человек и выпил.

– Хорошо. Давайте за вас, – засмеялась девушка и тоже выпила. Она пила медленно, по глоточку, после небольшой паузы ее лицо искривилось, и рука потянулась за виноградом, лежащим в вазе.

Поужинав, поболтав, допив виски и пригубив вино, соседи стали готовиться ко сну. Света постелила Диме диван.

– Спокойной ночи, – сказала она и пошла в свою комнату.

– Света, – окликнул ее Дима. Девушка остановилась. Молодой человек подошел к ней. Обстановка была очень двусмысленной и Дима решил поискать более близких точек соприкосновения. Он взял Свету за руку. Света вопросительно взглянула на соседа. Дима наклонился к девушке, что бы поцеловать. Света, догадавшись, чего хочет Дима, улыбнулась и ловко выскользнула из Диминых объятий.

– Нет. Спасибо, – смеясь, сказала она. – Спокойной ночи.

Света закрыла дверь. Похоже, новый сосед ее рассмешил. Диме тоже стало смешно. Он раздевался с улыбкой. Девушка его обаяла.

Дима проснулся. Было утро. Он лежал под простынею на

незнакомом диване. Он вспомнил, что ночевал у соседки. Соседка, похоже, уже проснулась. Во всяком случае, в ее комнате слышались шаги. Дима продолжал лежать в полудреме. Вскоре дверь отворилась и в проем просунулась Светина голова.

– Проснулся? – спросила девушка

– Доброе утро, – сказал Дима. Света вошла в комнату, открыла шторы. На улице было солнечно и сразу стало светло. Света села на край Диминого дивана. Дима подвинулся к стенке. Света была в розовой ночной сорочке, сквозь которую при определенной фантазии, можно было много чего разглядеть. А еще она излучала какой-то необыкновенный запах, теплоту, свет, так что Дима был ошарашен.

– Один стакан воды? Или хочешь умереть? – спросила Света.

– Спасибо, – ответил Дима. Ему, действительно очень хотелось пить. Света протянула Диме стакан с водой, который она заботливо принесла с собой. Молодой человек сделал пару глотков и жажда утолилась.

– Если ты хочешь продолжить знакомство с нашим великим городом, то тебе надо немедленно вставать, – заявила Света, поставив стакан на пол.

– Хорошо. Встаю немедленно – ответил Дима.

Света встала с кровати и сделала 2 шага назад. Она не сводила с Димы глаз, ожидая пока он поднимется.

– Отвернись, пожалуйста – смущенно сказал Дима.

– Почему?

– У меня эрекция.

Света засмеялась, демонстративно ударила себя по лицу ладонью, потом отвернулась и подошла к окну. Дима быстро встал, с трудом натянул на себя джинсы, а потом и футболку. Света без приглашения повернулась, увидела, что Дима успел одеться, сменила улыбку на взгляд полного разочарования и вышла из комнаты.

– Без стука не входить, – прокричала она оттуда, – у меня эрекция.

Через минуту она вышла во вчерашних джинсах и блузке, готовая к прогулке.

Прогулка быстро их привела к ободранному 2-х этажному стеклянно-бетонному зданию. Они поднялись по ступенькам. Над стеклянными дверьми была древняя, изрядно травмированная вывеска «Столовая».

– Так короче, – сказала Света.

Они вошли в столовую, но свернули на лестницу, ведущую на 2-й этаж, прошли по узкому коридору, заставленному большими мешками, а потом снова спустились на 1-й этаж. «Художественная галерея «Самародина» было написано на большом листе бумаги, приклеенном изнутри стеклянной витрины, заставленной комнатными растениями. Света открыла входную дверь, и они вошли.

– Купи билеты, – попросила Света. Дима подошел к окош-

ку с надписью «касса», но за кассой никого не было. Света уже стояла у входа в галерею. Вход был открыт. Билетерша тоже отсутствовала. Пришлось войти в выставочный зал бесплатно. Галерея состояла из 3-х небольших комнат. На стенах висели картины. Дима и Света были единственными посетителями. Дима не очень разбирался в изобразительном искусстве, но был достаточно любопытным, что бы заинтересоваться, чем угодно. Он остановился у первой картины. На ней было изображено что-то индустриально-хаотичное с множеством голых девушек. Картина требовала детального просмотра, но Света не дала Диме времени, дернув его за руку.

– Нам туда, – сказала она, и показала вперед. Они дошли до 3-й комнаты. В ней были выставлены фотографии. Света подвела Диму к трем большим черно-белым фотопортретам обнаженной девушки. Фото были стандартно-красивыми. Девушка на фотографиях тоже была стандартно-красивой. Ее черно-белая красавица то пряталась в тень, то выныривала на свет.

– Это – я, – сказала Света.

– Ты? – удивился Дима и посмотрел на фотографии более внимательно. Лица почти не было видно. Только на одном из фото девушка была повернута в профиль. Дима посмотрел на Свету. Света с улыбкой повернула голову в профиль. Это действительно была она.

– Ты еще и модель? – спросил Дима.

– Тут не хватает 2 фоток, – вместо ответа сказала Света.

– И куда они делись? – уточнил молодой человек.

– Никуда они не делись. Их просто не хватает.

Дима снова перевел взгляд на фото. Фотографии были вполне откровенными. Молодой человек не ожидал, что Света, так идеально сложена. Но, несмотря на грамотную черно-белость и безусловную гламурность всех изгибов ее тела, фотографии были вульгарны. Дима никак не мог понять почему, но в них было что-то отталкивающее. Молодой человек перевел взгляд на Свету. Света перестала улыбаться, внимательно следя за его реакцией.

– И кто это фотографировал? – спросил Дима.

Свете не понравился вопрос, и она раздраженно отвернулась. Дима не понял, что именно ей не понравилось.

– Ты очень красивая, – сказал он, решив, что именно этих слов ждала Света.

– Пошли отсюда, – не оборачиваясь, сурово сказала соседка. Похоже, комплимент оказался более неудачным, чем вопрос. Они вышли на улицу и, тут же к девушке вернулось хорошее настроение. Так же внезапно, как и пропало.

– Жалко, что 2-х фоток не хватает, – сказала Света, улыбаясь, – а то упаковали бы комплект и на полку.

– Если хочешь, я их найду?

– Найди, – ответила Света.

– Ты только намекни, где искать.

Света засмеялась.

– Сам не знаешь? – спросила она.

– Нет.

– В вашей школе разве не было дежурного отверстия в девчачий душ? – продолжала смеяться Света. Она подняла указательный палец вверх, другой рукой зацепила сверху свою блузку и плавным движением опустила указательный палец внутрь, зацепив бюстгальтер.

– Ищи здесь, – сказала Света и, закрыв лицо ладошками, захохотала.

Потом они гуляли, потом зашли домой, потом опять гуляли. Разговор клеился, шутки получались смешными, они подолгу хохотали. Потом стало темнеть, и Света повела Диму в лес, прилегающий к городу. В темноте лес смотрелся мрачно, и они ограничились прогулкой по опушке. Они шли по тропинки ведущей параллельно улице, по которой то и дело пролетали автомобили. С той стороны улицы светился город. Света остановилась напротив большого ресторана, в котором шумно и с музыкой, гуляла свадьба. Света показала Диме, что бы он шел за ней. Они подошли к придорожным кустам, присели и стали разглядывать свадьбу. Над входом в ресторан висели разноцветные шарiki. На пороге курили мужчины в костюмах и девушки в вечерних платьях.

– Обернись, – шепотом попросила Света. Дима обернулся. За спиной черной глыбой нависал лес. Диме стало страшновато.

– Слышишь? – спросила Света.

– Что? – не понял молодой человек.

– Пошли, – сказала девушка, неожиданно встав. Она перелезла через кусты и стала переходить дорогу. Дима победил следом. Они рискованно проскочили перед летящим автомобилем, и подошли к ресторану. Света смело проскочила мимо оживленно беседующих гостей и вошла внутрь. Дима шел следом. Их никто не останавливал. Зал, где праздновалась свадьба, был больше похож на столовую, чем на ресторан. На столах была дешевая клеенка. Интерьер отсутствовал. Людей в зале было много. Они разбились на компании. За накрытыми столами никого не было. Громко играла энергичная музыка. Одна пара наперекор всему танцевала медленный танец. Непраздничный вид Светы и Димы бросался в глаза, но на них никто не обращал внимания. Света села за стол, взяла мандарин и стала его чистить. Дима сел рядом. Он чувствовал себя напряженно. Не хотелось скандала. Света дочистила мандарин и протянула половину своему спутнику. Дима взял. Света, кинув мандарин в рот, встала и подошла к окну. Дима не отставал. За окном, с той стороны дороги чернел все тот же лес, но отсюда он не казался страшным.

– Теперь мы смотрим на него – сказала Света. – Теперь пусть он боится.

Следующую ночь Дима снова ночевал у Светы. Легли

быстро, потому что устали. На следующее утро Дима встал первым, оделся и уже хотел зайти в Светину комнату, что бы разбудить ее, как девушка вошла сама. Она уже была одета на выход.

– Я сейчас иду гулять, так что иди к себе, – сказала Света. – У себя тебя я не оставлю и ключи не дам.

Дима растерялся.

– Я могу пойти с тобой, – сказал он.

– А я не могу, – сказала Света. – Когда я гуляю одна, тогда я гуляю одна. Хорошо?

– Звучит сурово, – сказал Дима, – А ты куда?

– Гулять. А ты иди к себе.

– А когда вернешься?

– Я вернусь.

Света ушла. Дима вернулся к себе, включил ноутбук, посмотрел новости, проверил почту, потом уснул. Его разбудил шум на кухне. Дима вышел. На кухне сидел сосед Гриша. На столе стояла бутылка водки, стакан, тарелка с солеными огурцами и что-то мрачное в чашке. Похоже, отставной клоун выпивал, несмотря на свою закодированность. Увидев Диму, Гриша расплылся в улыбке.

– О-те-на, какой сюрприз. Я думал ты на прогулке. Сит даун энд бухаун?

Клоун выдвинул табурет. Дима открыл буфет, взял стакан и сел. Клоун разлил и они выпили.

– Вы же закодированы? – вспомнил Дима.

– Был и перестал. Подумал, месяцем больше, меньше, а тут еще сон приснился, что лошадь меня закусала до смерти. Короче, опять пришлось доктору денег платить. Дурак платит чаще скупого. А ты, брат, шустер. Не успел приехать, а уже допустили к телу. Мне б твои годы. Что, ты ее уже того?

– Отвалите, – нахмурился Дима.

– А что так? Не дала или не взял?

– Отвалите.

– «Отвалите-навалите». Плевать. Ты только не забывай про презервативы. А то ребенок дело наживное, а ты сегодня здесь, а завтра где-сь?

Дима не стал отвечать. Сосед разлил, и они выпили еще. В мрачной чашке оказались вкусные маринованные овощи.

– Ты ходил когда-нибудь в цирк? – спросил Гриша, когда повисшая пауза потребовала серьезного разговора.

– Ходил, – ответил Дима, – один раз, в детстве.

– Понравилось?

– Не помню. Помню только духовой оркестр. Я до этого слышал духовые оркестры только на похоронах и поэтому цирк чем-то напомнил мне похороны. Скорей всего мне не понравилось.

– Ты, наверное, был забавным мальчиком? – засмеялся Клоун.

– Забавляетесь мальчиками?

– Не гони, – скривился Гриша. – Терпеть не могу совре-

менные понятия об извращениях. Педофилы, некрофилы, зоофилы. Да пошли все на хрен. Любовь свободна в выражениях и освящает любой мат. Меня бесит, когда люди пообезьянны ржут над тем, что им не понять.

– Потому что это дело профессиональных клоунов? – засмеялся Дима. Гриша примирительно улыбнулся.

– Ты прав, – продолжил Клоун. – Цирк – это мрак и вся эта духовая медь не случайна. Цирк – это языки адского огня.

– Что? – не понял Дима.

– Адский огонь. Есть такой огонь. А цирк – это тот же огонь, только в виде шоу.

– Вы серьезно? – спросил Дима, удивившись умозаключению клоуна про цирк.

– Конечно. Я кипел в этом котле всю жизнь. Мне ли не знать. Единственно, что меня озадачивало, так это почему цирк любят дети. Что им чистым до адского огня? А потом я понял, что цирк – это грязнилице

– Это еще что?

– Грязнилице. У католиков есть чистилище, в котором души умерших очищаются от грязи, прежде чем в рай попасть. А цирк – это грязнилице, где чистым душам презентуют ад, небольшой рекламный ролик, переполненный ложью. Все эти фокусники, дрессировщики, акробаты, жонглеры, силачи, клоуны оф козз. Почему столь разнообразный сброд собирается под одной крышей? Почему там не музыка, а пародия на музыку? Не чудо, а пародия на чудо? Поче-

му глядя на огонь люди замолкают? Потому что они наталкиваются на вечность, которая их ожидает. И эта вечность отнюдь не прекрасна. Что ты думаешь про ад?

– Наверное, там плохо, – подумав, ответил Дима.

– Плохо? – повысил голос Гриша. – Да что ты знаешь про «плохо». Я всю свою жизнь облизывал это пламя, целовал его языки взасос. Ой, как горячо. И детишки смотрят, смеются и сатанеют, и родителям уже не так сложно будет им объяснить, почему кошечку переехал троллейбус. Дети – это безысходность. Я это понял однажды, когда моей Снежане было 2 года. Она уже лепетала, была такой забавной. Я любовался ее чистотой и вдруг понял, что дети – это безысходность. Эта чистота безнадежна. Можно спрятать её в банку, но она там задохнётся, поэтому приходится вести детишек в цирк.

Клоун окончательно захмелел и пошел спать. Время было обеденным. Дима вышел из дома, что бы где-нибудь пообедать. Готовить на кухне не хотелось. Он быстро добрался до центральной улицы, зашел в первое попавшееся кафе, плотно поел и отправился гулять. Дима думал про Свету, про то где она сейчас и с кем. Девушка заняла почти все его мысли. Пройдя туда-сюда по центру города, Дима вспомнил про галерею, в которой они были вчера, и решил сходить, что бы более внимательно рассмотреть Светины фотографии. При ней пялиться на них было не совсем удобно. Он с трудом

нашел нужную улицу. Галерея была открыта. Даже касса работала.

– Один билет – сказал Дима пожилой билетерше.

– 300 рублей, – ответила дама.

«Ни фиги себе», – подумал Дима, протягивая 500-рублевую купюру.

Прежде чем пойти к Светиным фотографиям, Дима внимательно просмотрел всю экспозицию. Если бы его пустили бесплатно, он вряд ли бы стал это делать. В 2-х залах были картины и только в третьем – фотки. Картины в основном были эротично-реалистичными. Особенно впечатлял портрет голого мужчины с короной на голове. Впечатлял размерами. Мужчина был от пола до потолка, метра 3 ростом и, глядя на его мощные гениталии становилось реально страшно. В фотографиях тоже было много эротики, но она была разбавлена невинными пейзажами и натюрмортами. Наконец, Дима добрался до фотографий Светы. Ее тело действительно было идеальным, но Диме фотографии снова не понравились. Слишком уж стандартно выглядели Светины изгибы. В жизни она наверняка выглядела лучше. Дима помнил намеки девушки про оставшиеся 2 фотографии. Это была загадка, и Дима захотелось ее разгадать. На фотографиях Света была в разных позах. Какой-то последовательности видно не было. Дима достал из сумки блокнот и ручку и, как получилось, набросал фотки, чтобы подумать о задаче позже.

Через полчаса Дима вернулся домой. По туфлям на пороге он понял, что Света пришла, но дверь в ее комнату была закрыта. Молодой человек остановился в коридоре. Мысли раздвоились. Он не знал, имеет ли он право заходить к ней. С одной стороны он уже ночевал у нее 2 раза, с другой стороны его утром пусть вежливо, но выставили за дверь. Дима зашел к себе, потом вышел на улицу, перешел через дорогу, купил 2 бутылки пива и, вернувшись, решительно постучал в Светину дверь. Стук остался без ответа. Дима прислушался. За дверью играл телевизор. Дима постучал еще раз. Его услышали.

– Открыто, – прокричала с той стороны Света. Дима зашел. Света сидела в большой комнате и, не отрываясь, смотрела в маленький экран своего телевизора.

– Это я, – сказал Дима.

Света не оглядываясь, кивнула.

– Пиво будешь? – спросил Дима.

Света кивнула еще раз.

– Как погуляла? – задал еще один вопрос Дима. Ему стало любопытно, слышит ли его девушка или просто кивает.

– Погуляла, – сказала Света, но это не означало, что она его слышит. По телевизору показывали какое-то судебное шоу. Судья в парике допрашивал свидетелей. Дима никогда не смотрел такие передачи, но в теории знал, что они существуют. Света, щелкнув «дистанционкой», переключила канал, но ее взгляд от телевизора не оторвался ни на секунду.

Канал был музыкальным. На экране стали извиваться стройные темнокожие девушки. Дима открыл пиво, сел рядом со Светой на кровать и протянул ей бутылку.

– Пиво, – сказала Света, вместо «спасибо», не отрываясь от телеэкрана. Дима ничего не ответил. Девушка, скосив глаза, нашла губами горлышко и, опрокинув бутылку, сделала несколько раскатистых «бульков». Дима тоже отхлебнул.

– А нет чего-нибудь погрызть? – спросила Света, упрямо таращась в телевизор.

– Нет. Сходить?

– Сходи.

Дима поставил бутылку на пол и пошел в магазин. Он купил еще 2 бутылки, а также сухариков, чипсов, кальмаров и вяленой рыбы. Когда он вернулся, телевизор был выключен. Света успела подвинуть маленький столик к кровати. На столике стояла Димина бутылка. Свою девушка держала в руках. Дима положил на столик все, что купил.

– Тебе нравится Анжелина Джоули? – спросила Света.

– Джоли, – поправил молодой человек.

– Анжелина Джоли тебе нравится? – исправилась девушка.

– Да никак, – пожал плечами Дима.

– А сейчас сказали, что она – мечта всех мужчин планеты.

Обманули?

– Обманули.

– Это хорошо. Ты пойдешь со мной к доктору?

– Зачем? – не понял Дима.

– К моему доктору. Это не больница, а просто друг. Он не будет тебя лечить, потому что ты со мной. Просто если мы будем гулять, то можно сходить к доктору. Он – мой друг. И ты тоже будешь нашим другом, если, конечно, тебе это интересно.

– Мне интересно. Любопытно посмотреть на своих друзей.

Доктором оказался мужчина лет 50 с аристократической сединой. Он жил на 3-м этаже 5-этажного дома в небольшой однокомнатной квартире. Света представила мужчин друг другу. Дима сел в предложенное кресло и осмотрелся. Комната была самой обыкновенной. Взгляду не за что было зацепиться. Доктор сел напротив.

– Я приготовлю ужин, – сказала Света и вышла. Через мгновение на кухне по-хозяйски загремела посуда, хлопнула дверь холодильника.

– Очень рад, что вы, наконец, приехали, – начал разговор доктор, закуривая сигарету.

– Что значит «наконец»? – не понял Дима. – Я сам не знал, что приеду.

– Но приехали же.

– То есть я должен был сюда приехать?

– Конечно, нет, но приехали же, чему я и рад. У Светы появился шанс на спасение.

– На спасение? – опять не понял Дима.

– Да. Свету надо спасать. А когда приезжает спаситель, тогда появляется и шанс на спасение.

– Спаситель, так понимаю, я? – удивился Дима. – Вы не путаете?

– Нет, – без эмоций ответил Доктор. – Вы уже слышали её историю?

– Смотря что, вы имеете в виду, – ответил Дима. – Мне рассказали, что Света два года назад попала в аварию, что ее родители погибли, а она с ума сошла, потом лечилась в дурдоме, потом ее выписали. Она выздоровела, но не совсем, и поэтому какой-то доктор попросил соседей, сообщать ему, если она вдруг начнет буйнить. Этот доктор – вы?

– Я, – ответил Доктор. – Я – главврач нашей психиатрической больницы. Но Светина история другая. Ее родители действительно погибли, но сейчас это не важно.

– Что ж это за родители смерть которых не важна? – вставил Дима.

– Светины родители были красивыми, исключительно нашими людьми, но это другая история и я расскажу ее в другой раз. Сейчас я хотел бы рассказать вам Светину историю. Вы слышали выражение «чудодейная тьма»?

– Нет.

– Смотрите, – сказал доктор, взял со столика небольшой фонарик, похоже, что заранее припасённый, и осветил в темный угол комнаты. Высветилась длинная узкая ваза, в ко-

торой стояли сухие цветы. Доктор выключил фонарик, и ваза опять исчезла в темноте. Доктор еще раз включил фонарик и снова выключил.

– Простая темнота податлива, отступает, не рыча и не кусаясь, – продолжил доктор. – Любой фонарик – ее господин. Но если на эту самую темноту одеть лицо, то тьма станет живой, причем опасно живой, смертельно живой. И она уже не испугается фонарика. Скорее его напугает.

– Какое еще лицо? – недовольно спросил Дима. Его стал напрягать этот непонятный разговор.

– Это другая часть истории, – спокойно ответил доктор, затушив сигарету. – В этом городе живет человек. Зовут его Златон. Он – писатель. В его квартире есть картонная коробка, которая доверху набита бумагой. Бумага разная: исписанные стихами салфетки, толстые тетради с рассказами и рабочим материалом, рисунки, журналы и остальной хлам. Среди этого хлама находится тетрадь, 96 страниц, белая обложка с синими полосками. Пол тетрадки исписаны. Это неоконченная повесть Златона, про которую он сам забыл. Эта повесть и есть лицо той тьмы, которая внутри Светы.

– Еще раз, – попросил Дима, совсем не понимая доктора.

– Внутри Светы – тьма, – повторил доктор. – Тьма пытается поглотить ее. Света по мере сил с ней борется. Но эта болезнь смертельна и я не могу ничего с этим поделать. Когда-то давно Света листала эту тетрадь и незаконченная история Златона стала лицом тьмы, которая была в ней и, ко-

торая сейчас пытается ее сожрать. С этой тьмы надо стереть лицо и тогда она станет обычной темнотой и тогда наша Светочка выздоровеет.

– Допустим, я понял. Но как стереть это лицо?

– Надо закончить историю, потому что лицо – это незаконченная история, – ответил доктор. – Закончив историю, мы сотрем лицо. Только вы можете закончить эту историю.

Дима почесал затылок. То, что говорил доктор, было полным бредом.

– Вас, наверное, любят ваши психи, – сказал Дима, наконец.

Доктор улыбнулся. Дима тоже.

– Так что это за история? Что за тетрадка? – спросил Дима, пытаясь уяснить для себя суть проблемы – Вы ее читали?

– Не читал, но это мрачная история, очень мрачная.

– Настолько мрачная, что кроме меня никто не может сочинить ей конец? – усмехнулся Дима. – Вы думаете, у меня есть литературные способности?

– Это не важно, – ответил доктор.

– Забавно, – покачал головой Дима. – Знаете, я планировал отлежаться здесь месяц-другой, пока гладь морская снова не станет гладью, а тут встретил Светку, а теперь вы меня нахлобучиваете. За кого вы меня принимаете?

– За спасителя Светы.

Дима засмеялся.

– На роль спасителя был большой кастинг или я – первое,

что попалося вам под руку?

– Не говорите ерунду.

– Хорошо, – почесал затылок Дима, – оставлю ерунду вам.

Доктор улыбнулся, достал сигарету из пачки и снова закурил. Повисла пауза.

– На самом деле я рад, что все так получается, – прервал паузу Дима. – Жизнь начинает обретать какой-то смысл. Есть странное ощущение, что я здесь дома. Короче, Света – исключительная девушка. Мне она очень нравится, и если я чем-то могу ей помочь, то готов на все, даже на литературные подвиги. Как мне познакомиться с этим незаконченным произведением?

– Нужно найти тетрадь, – с готовностью ответил доктор.

– Где ее искать? Вы сказали, что этот писатель живет где-то здесь?

– Да, – ответил доктор, – в этом городе.

– Вы знаете адрес?

– Нет.

– Ну, его можно же найти. У писателя какое-то нерусское имя.

– Его зовут Златон, – напомнил доктор.

– Я думаю адрес человека с таким именем не сложно найти в этом городке.

– Златон – его неофициальное имя.

– Можно найти и по неофициальному.

– Не найдете, – уверенно сказал доктор.

– Тогда с чего вы взяли, что он здесь? – усмехнулся Дима. – Может он уже где-нибудь там.

– Конечно, он здесь и не надо его искать. Придет время, и вы с ним встретитесь. Поиск должен быть естественным процессом.

– Но если Света болеет такой непонятной и опасной болезнью, какой смысл тянуть? – опять ничего не понял Дима.

– Молодой человек, – продолжил объяснение доктор. – Скорость, как говорят на базарах, это расстояние, деленное на время. Если расстояние будет равно нулю, то никакое время не будет быстрым. Что бы встретится со Златоном нужно не найти его, а идти к нему.

– Что ж вы сами до сих пор к нему не пришли?

– Потому что я, как этот фонарик. Я – искусственный свет и я бессилен перед чудодейной тьмой.

– Чудодейная тьма, – вздохнув, повторил Дима. – Это ваш личный термин или у вас секта?

– Мой личный. Вы слышали такое словосочетание, как «сопротивление материалов»?

Дима удивленно посмотрел на доктора.

– При чем здесь сопротивление материалов? – спросил он.

– При том, что материалы сопротивляются только насилью, как и все мы. А я – искусственный свет. Я не способен на насилие.

– А я получается способен?

– Да, – кивнул доктор. – Вы способны на многое.

– Ужин готов, – прокричала с кухни Света.

– Сейчас идем, – крикнул в ответ доктор и снова посмотрел на Диму. – Света, выписавшись из нашей лечебницы, добровольно взяла на себя миссию посещать душевнобольных, которым позволено жить вне стен больницы. Есть у нас такая практика. Света приходит к ним и наводит порядок. Думаю, вам было бы интересно сопровождать Свету во время этих посещений. Вы бы многое поняли.

– И где живут эти душевнобольные?

– В своем собственном жилье.

– Ну, вы где? – сказала Света, заходя в комнату с ложкой в руках.

Света и Дима поднялись пешком на 4 этаж 5-этажного дома и остановились на лестничной площадке. Они пришли навещать одного из душевнобольных, отпущенных домой.

– Ты просто посиди с ним, а делать ничего не надо. Я сделаю. Просто подожди, – сказала Света. Ее спутник кивнул. Девушка достала из сумочки ключ и открыла дверь. Дима прошел в квартиру вслед за девушкой. Света захлопнула дверь, и они погрузились в полумрак. Света щелкнула выключателем и загорелась тусклая лампочка, свисающая с потолка на проводе. Стало чуть светлей. Дима снял ботинки и вслед за девушкой шагнул в комнату. Посреди комнаты стоял маленький столик, на котором горела большая свеча. Рядом со столиком стоял мужчина с седыми волосами и акку-

ратно подстриженной бородой. Он был в потертом костюме. Увидев Свету, мужчина расплылся в улыбке.

– Я уже не ждал, – высоким голом сказал он, подбегая к девушке. – Свет у нас отключили.

– Но я же пришла, – тихо, успокаивающе, сказала Света, протягивая свою руку для светского поцелуя. – Я всегда прихожу.

Мужчина, поцеловав Светину руку, посмотрел на молодого человека.

– Это – Дима, – ответила на незаданный вопрос Света.

Хозяин протянул гостю свою тонкую длинную ладонь. Дима с готовностью принял рукопожатие.

– Петр, – представился мужчина.

– Я на кухню, – сказала Света и исчезла во тьме. Дима остался наедине с сумасшедшим.

– А я еще раз Петр, – повторил хозяин, чтобы заполнить тишину. – Пич или Петр Ильич, как хотите.

Хозяин сел на стул, стоявший рядом со столиком.

– Присядете? – спросил Петр Ильич, указывая гостю на стул с другой стороны стола. Дима присел.

– Ко мне сейчас редко заходят разные люди. Я разучился быть развлекательным. Если вам будет скучно, то поскучайте чуть-чуть. Скука бывает полезной, если принимать по рецепту. Вы любите музыку?

– Да, – кивнул Дима, – но я не очень разбираюсь.

– А я очень разбираюсь, но, тем не менее, тоже люблю.

Парадокс? – Петр Ильич задумался, – или не парадокс?

– Не парадокс, – улыбнулся Дима, – музыку любят все.

– Уже все? Как летит время. Тогда надо поточней спросить. Вы любите музыку, которую пишут покойники?

– Не знаю. Если услышу, то скажу.

– Трупы – прекрасные люди, но они слишком серьезные. Они такие, знаете ли, все из себя памятники. Фуги, эпитафии, черные занавески. Полный Брамс. Я не очень болтлив?

– Нет, – ответил Дима.

– Знаете, мне сейчас никто не пишет либретто. Приходится самому писать. Я и раньше пробовал и сейчас могу. Но все эти рифмы и размеры, так жалки. Я хочу сказать, что ритм аристократичней рифмы. Рифма просит, а ритм подает. У красивой рифмы должно быть сопротивление. Она, как смешная женщина, которая сопротивляется, потому что хочет отдаться. Зачем брыкаться? А это просто ее представление об аристократизме. А правила аристократов учат только плебеи. Кому как не им знать, в какой руке должна быть вилка, какое ударение грамотно, как вызвать на дуэль, как сидеть на табуретке. Рифма такая же тетка, она все делает грамотно, она вся из себя аристократка, но любой барабанщик, любая копеечная драм-машина превратит ее в то, что она есть, то есть в прислугу.

Петр Ильич замолчал и уставился Диме в глаза. Дима снова улыбнулся. Хозяин улыбнулся в ответ.

– Вот говорят, что «Пиковая Дама» демонична, что чер-

тик посоучаствовал, – продолжил он, – а я говорю, что неправда. Никаких чертей. Просто я попал в ад в качестве журналиста. Не рекомендую. Всё действие происходит в аду. Всё в прошедшем времени. Надежда умерла первой. Поздно молиться, только гобойчики с альтами и меццо-сопрано.

Лицо хозяина в пламени свечи то гасло, то снова загоралось. Если бы не яркий свет с кухни и грохот моющейся посуды, то было бы по-настоящему жутко. Дима вдруг осознал, что первый раз сидит наедине с безумцем, что вся логика отменена и в следующую секунду может случиться всё, что угодно. Дима напрягся. Петр Ильич тем временем с улыбкой забарабанил пальцами по столу, словно по роялю.

– У меня новая опера. Она не окончена, но она уже будет. Если бы не тексты я бы ее уже закончил. Главный герой – парнишка молодой. Похож на вас, но более... более парнишка. Такой стройный, черноволосый, с пушком, талией, бровками. То есть он не лучше вас. Вы однозначно герой, а он просто литературный образ, но такой милый. Вы бы видели его скромность. У него такая скромность, – Петр Ильич вздохнул. – А сюжет простой, как первая любовь: «махнула фея палочкой игриво, и сказка превратилась в набор презервативов». Не очень удачная рифма, но очень удачная музыка. Слушайте.

Петр Ильич снова забарабанил по столу, с удовлетворением кивая головой, время от времени что-то напевая, словно слыша неведомую музыку.

– Моему парнишке не повезло, – сказал Петр Ильич, продолжая барабанить по столу. – Но он был очень красив и, следовательно, ему повезло. Если бы он встретил сам себя, то он был бы счастлив, точнее не грыз бы стены в поисках окна. Несчастные всегда думают, что не грызть стены и есть счастье. Я тоже так думаю, но знаю, что это не так. У стариков богатый опыт. А потом у моего героя – центральная ария. Вокруг народ, бомонд, нечисть. А он встаёт на стол. И ария. Без мелодизмов, без тональной акробатики, а просто голос во весь рот:

Я живу в консервной банке

Сторожу свои останки.

Сквозь меня течет вино.

На меня глядит в окно.

Что уставился родная

Я тебе не дорогая.

Подойди ко мне поближе

И нагнись ко мне пониже

– пропел Петр Ильич, высоким голосом неистово барабанил по столу.

– По-моему свежо – сказал он, улыбаясь. – Не предлагаю вам вина. Хотел бы предложить, но никто не приносит мне вино. Вы помните вкус вина? Я любил, но уже не помню. А сюжет продолжается – мой мальчик, мой солнечный б...к, идет дальше. Он не останавливается никогда. Он проходит насквозь, и все ждут, когда он пройдет и сквозь них. И

тут его центральная ария. Вершина моего творчества, лучше Иванкиной песни.

Петр Ильич приподнялся, потом неестественно легко запрыгнул ногами на стол, Дима отшатнулся, Петр Ильич во все зубы улыбнулся гостю, потом поднял морду к потолку и по-волчьи завыл. Он выл несколько минут. Потом также неестественно легко спрыгнул со стола и с победной улыбкой опустился на стул.

– Не правда ли свежо, – сказал он. – Это центральный момент. И главное, насколько точно передает переполняющие чувства моего героя, а переход с Си бемоль минора в ля мажор? Вы знаете законы гармонии?

– Нет, – ответил Дима.

– Отлично, – ответил Петр Ильич. – Уж поверьте, это отличная ария. Только нужно еще доделать оркестровку.

Петр Ильич замолчал и задумался.

– А потом начинается отлив, – сказал он, не поднимая взгляда, – медленный, долгий, беспросветный. Весь третий акт – отлив. Мой мальчик остается один, далеко-далеко в Сибири. И вокруг волки да враги, война и солдаты. Знаете, солдаты – жестокие люди. И с ними мой мальчик – беззащитное дитя. Я могу помочь, но я так далеко, так далеко. И музыка умолкает со всех сторон. Все тише и тише, пока не заканчивается совсем. И тут еще один куплетик, – речитативом или шепотом, что бы никто не слышал. Колыбельная, что бы все окончательно замерзло:

Города и изгибы своих проводов

Не распутать и не попытаться,

И гирляндами путаются между снов

Одиночные камеры счастья, – прошептал Петр Ильич и закрыл глаза. В тишине было слышно только, как Света возится на кухне. Пауза была недолгой. Хозяин встрепенулся и открыл глаза.

– Я люблю Свету, – бодро сказал он. – Люблю, когда она приходит. Если бы не она, было бы хуже. Она самая ясная. Не знаю, зачем я ей, но без нее все пропадет. Я радуюсь, когда она приходит и радуюсь, когда она уходит. Потому что если она ушла, то придет еще раз. А если она останется, то больше никогда не придет. За что она меня любит? За что?

– А за что вас не любить?

Петр Ильич махнул рукой,

– Эх, Дима, Дима, – сказал он и закрыл лицо руками. Через мгновение, спохватившись, он улыбнулся гостю и цивилизованно развалился на стуле.

– Вы знаете, что в музыку можно войти? – спросил Петр Ильич.

– Нет.

– Просто помимо того, что бы музыку слушать, в ней можно быть, но для этого надо войти.

– Как-то по-особому ее слушать?

– Нет. Я про другое хотел рассказать. В музыку можно войти, а потом можно из нее выйти. Музыка – это коридор,

от двери до двери. В музыку можно не только войти, но и выйти из нее с другой стороны. Из музыки есть выход. Есть дверь, которая ведет наружу. И за этой дверью не тишина и не хаос. Знаете, некоторые до сих пор думают, что музыка – это упорядоченный хаос. Ха. Дверь из музыки ведет в райский сад. Это даже не дверь, а калитка. Дверью, она станет, если ты пойдешь назад. Рай всегда захлопывает за собой двери, причем так громко, что можно оглохнуть. Знаешь, где рай? – Дима отрицательно покачал головой. – А я знаю точный адрес, можешь записать – рай не здесь.

Петр Ильич снова стал барабанить по столу.

– Знаешь, Димка, такая тема, – сказал он, увлекшись слушанием. – Начало минорное, типа, марша. Мелодии нет. То есть, что-то есть, но не песня, а как бы воспоминание о мелодии. И не то что бы тихо, а так, чуть заунывно, как дыхание. Это замирание перед стартом, точнее коленапреклонение перед великим, и не просто перед великим, а всем. Представляешь, ты стоишь, а перед тобою всё? В русском языке есть забавная буква «ё», точки над которой ставить необязательно. И если написать все, то это можно понимать и как все и как всё. Смысл совершенно разный, но точки все равно ставить необязательно. А раз необязательно, так пусть будет и смысл один. Все – это и есть все. Ставь точки, как хочешь. Вот ты сейчас далекий и непроницаемый, как бы ты ко мне относился. А когда мы все будем вместе, друг в друге, мы будем друг для друга всем. Я не про секс говорю.

Я говорю про непорочное единение. Секс порочен не тем, что люди потеют и не всегда удобно во всех этих сортирах. Секс порочен тем, что сбивает на взлете. Секс порочен тем, что он не праздник, а отмена праздника, порочен тем, что он цель, а не путь, порочен тем, что единение с человеком без него не единение. Хочешь открыть врата неба, а ключиком тычешь в чей-то зад. Секс и есть несовершенство этого мира. Секс все время встает на твоём пути, все время обещает больше, чем даёт. Бежишь по коридору навстречу свету, и вдруг, хлоп, тебе по морде стеклянная стенка в двух шагах от счастья. Падаешь, открываешь глаза – нет ни стекла, ни счастья, ни света. Обычный бордельный номер, пропитанный кровью и спермой. И вокруг одни грязные стены, мыши и тьма. Секс – это лотерея, в которой можно выиграть миллионы кусков счастья, но ты стираешь защитный слой, а там как всегда «без выигрыша». Кто-то, конечно, выиграет, но этого «кто-то» нет, и не может быть, потому что лотерея без выигрыша. Секс разъединяет людей и мир постоянно валиться на бок.

Петр Ильич посмотрел в глаза гостю и засмеялся. Дима вежливо улыбнулся.

– Давай лучше вернемся к моей теме, – продолжил Петр Ильич. – Это куда интересней. В общем, ты стоишь и все вокруг тебя. Напевка не то чтобы минорная, просто в миноре. Не унылая, а взволнованная. Большой барабан, стучит камертоном. Незаметно, как сердце. А напевка то взлетает,

то падает и постепенно уходит в мажор, но тоже ненавязчиво – без пафоса, литавр и прочего беснования. То есть уже не важны все эти миноры, мажоры, есть только эта напевка. Минор, мажор, туда-сюда. Напевка временами уходит в разные мелодии, но возвращается, потому что здесь интересней. Ритм сбивается. Временами исчезает совсем, временами возвращается. Две четверти, три четверти, пять восьмых, уже не важно, как минор с мажором. Конечно, все становится громче, объемней, но не как у Грига в «пещере». Просто все взлетает и возвращается, и не, потому что падает. Все вместе, все друг в друге. Единственная проблема во времени, точнее в том, что для того, что бы эту тему исполнять ее нужно закончить, а она не заканчивается в принципе. Не потому что у нее нет конца, а потому что «да пошел он». Это же праздник. Но у этой темы есть финал, не конец, а финал. Он может быть где угодно, но это финал. И тут самое главное: в финале – мелодия, песня, над всем этим безумным счастьем – ни на что не похожая, сама по себе, красивая, не потому что она лучше других, а потому что когда праздник все прекрасны. Подумай и пойми – это великая мысль. Пусть из меня фиговый мыслитель, но это великая мысль.

Петр Ильич опять замолчал и задумался. Дима встал и стал осматривать комнату. Его внимание привлекло большое зеркало, на пол стены мерцающее в полумраке. Подойдя к нему Дима понял, что зеркало – кривое, как в комнатах сме-ха, до безобразия искажающая смотрящих в него. Из мра-

ка на Диму посмотрело существо с головой в виде тыквы и огромным животом. Было не смешно.

– Не смотри в это окно, – сказал Петр Ильич. Дима обернулся. Хозяин стоял рядом. – Это плохое окно. Оно выходит на свалку. Вонь, крысы, суета. Чего только не выкидывают. Зачем? Не смотри. Я давно хочу повесить занавески, но не могу найти ткань. Занавески должны быть светло-серыми. Моя мама любила. А Света все еще на кухне. Знаешь, как я люблю, когда она на кухне. Это настоящая жизнь. Быстро, на три счета, бал с фейерверком, безупречный, как шампанское. Но это бал на сцене, в опере, когда ты находишься на том месте, где праздник, а не на том, где никто не пригласил на танец. Настоящие балы плоски, как открытки. Там ты никогда не станешь принцессой.

Петр Ильич закружился по комнате, держа в руках воображаемую партнершу. Он кружился все быстрее и быстрее, пока его ноги не оторвались от земли. Он стал танцевать по воздуху. Его движения стали непредсказуемыми. Потом он со всего маху ударился об стену головой, и упал на пол. Потекла кровь. Дима подбежал к нему, аккуратно поднял и посадил на стул. Петр Ильич открыл глаза и улыбнулся. На его глазах были слезы.

– Помоги мне, – сказал хозяин Диме. – Вспомни про меня.

– Конечно, – сказал впечатленный безумным танцем Дима.

В этот момент свет на кухне погас и в комнату, волоча за

собой большой черный мешок, вошла Света.

– Ему плохо, – растерянно сказал молодой человек.

– Я знаю, – ответила девушка, – помоги мне – Света кивнула на свой огромный мешок.

– Конечно, помогу, – сказала Дима. – Но как его оставить?

– Зачем его оставлять? Мы просто уйдем.

Дима погладил мужчину по голове, потом взял мешок и пошел его вслед за Светой. Мешок был легче, чем казался. Петр Ильич так и остался сидеть на стуле время от времени постанывая. Света закрыла дверь на замок.

– Твой больной считает себя Чайковским, композитором, Петром Ильичем, – сказал Дима, когда они вышли на свежий воздух.

– Слушал Чайковского? – спросила Света.

– Да, – сказал Дима.

– Мусор выбрось, пожалуйста, – сказала девушка, кивая на контейнер с мусором, мимо которого они проходили. Ее спутник выбросил мешок.

– Ты умеешь танцевать? – спросила Света.

– Нет, – ответил Дима.

– Ответ неправильный, – улыбнулась Света, – Пошли в клуб. Там весело.

Клуб, в который Света привела Диму, был вполне цивилизованным – 2 танцпола, бар, зеркальные шары, мониторы,

музыка. На входе Дима заплатил 300 рублей за себя и 150 за Свету. Девушек пускали со скидкой. Света сразу побежала на танцпол, чуть потанцевала, потом передумала и потащила Диму в бар. Они приземлились на высокие барные стулья.

– Купи мне «Пина Колада». Это в коктейлях, – попросила Света.

– Хорошо, – кивнул Дима, рассматривая меню. «Пина Колада» оказалась самым дорогим коктейлем. Диму обрадовала возможность потратить деньги на девушку. Свете принесли коктейль, а ее спутнику пива попроще. Потом Света попросила мороженое. Потом они спустились вниз и стали танцевать. Людей было много. Света танцевала энергично, как все, а Дима просто топтался на месте, рассматривая окружающих. Он давно уже не ходил в подобные заведения. Света, смотря, как Дима танцует, не выдержала и захохотала, закрыв лицо рукой. Дима тут же остановился.

– Смешно? – спросил он, пытаясь перекричать музыку. Света, продолжая смеяться, подняла вверх большой палец.

– Я тебе говорил, что не умею танцевать, – продолжал кричать Дима, подойдя поближе к девушке.

– Оторвали мишке лапу. Перестанет косолапить, – пропела Света. – Мы неправильно расположились, поэтому ты неправильно танцуешь.

Света взяла Диму за руку и потянула в центр танцпола. Дима нехотя пошел следом. Начался новый трек. Света стала повторять движения одной из танцующих девушек. Дима

продолжил топтание. Трек был длинным и никак не хотел заканчиваться...

Вдруг что-то замкнуло у Димы в голове. Он почувствовал ритм и стал танцевать по-настоящему: размахивая руками и ногами. Это оказалось легко. Дима не знал, как он выглядит со стороны, но ему казалось, что он танцует безупречно. Кто-то рядом захохотал. Дима долго смотрел по сторонам, пока не понял, что это он сам хохочет. Дима подпрыгивал все выше и выше. Света куда-то пропала, но надо было дотанцевать. Дима заглядывал в лица танцующих вокруг разукрашенных подростков. Все смотрели на него и боялись. Диму это еще больше развеселило, и он стал танцевать еще красивей, подпрыгивая все выше и выше. Танцпол закачался. Дима прыгал с ноги на ногу, махал руками. Песня играла все громче и громче. Когда музыка, наконец, смолкла, Дима с трудом остановился и осмотрелся. Люди прижались к стенам и молчали. Наваждение спало. Дима вспомнил про Свету. Ее нигде не было. Дима пошел к выходу. В клубе было тихо. Только шепот стелился, как туман. Когда Дима вышел, в клубе снова заиграла музыка.

На улице была ночь. Дима примерно представлял, где он находится. Он пошел в сторону центральной улицы, что бы уже там определить, как добраться до дома. На улице не было души. Дима вышел к 4-этажному квадратному офисному зданию. Он помнил это здание. За ним была центральная улица. Пересекая небольшую, освещенную фонарями

площадь, Дима случайно поднял голову и замер. На крыше офисного здания возвышался черный силуэт человека. Человек был неправдоподобно высоким. Несмотря на большое расстояние, Дима смог отчетливо разглядеть его лицо. Человек сложил руки на груди и смотрел прямо на Диму. Молодой человек испуганно огляделся. Вокруг по-прежнему не было ни души. Дима снова поднял голову вверх. Жуткий человек на крыше по-прежнему не сводил с него взгляда. Черная тень за ним превратилась в крылья. Дима стал бояться, что человек на этих крыльях слетит с крыши и сожрёт его. Дима поднял вверх руку, пытаясь показать черному человеку, что без бою не сдастся. Человек засмеялся. Диме даже показалось, что он слышит его смех несмотря на расстояние. Дима сжал руку в кулак, хотя и понимал, что это смешно. Черный человек медленно повернулся и исчез. Дима опустил руку и продолжил свой путь. За спиной мерещились шаги, но Дима не оборачивался и не ускорял шаг. Выйдя на центральную улицу, он наконец-то встретил редких обычных прохожих. Дима со всех ног побежал домой. Дома Светы не было. Только храп Клоуна нарушал мертвую тишину. Диме пришло в голову, что Света могла остаться в клубе, пойти в туалет и так далее. Дима побежал назад. Опять улицы стали пустынными. Дима свернул в сторону клуба и наткнулся на Свету. Она шла домой. Дима схватил ее за руку.

– Здесь по ночам страшно ходить одной, – сказал Дима первое, что пришло в голову.

– Здесь по ночам страшно ходить с тобой, – ответила Света, аккуратно избавившись от его рукопожатия. Дима ничего не смог возразить. Они молча вернулись домой. Молодой человек хотел завести разговор, но не знал что сказать. Войдя в дом, Света включила лампочку в коридоре, разулась, и, не говоря ни слова, ушла к себе. Дима покурил на кухне и пошел в свою крохотную комнату. День явно закончился. Дима разделся и лег на жесткий матрац. Он только теперь окончательно понял, что безнадежно влюблен в Свету и то, что она сейчас спит всего лишь через стену – это настоящее счастье. С этим он и уснул.

На следующее утро, выйдя в коридор, Дима обнаружил, что Света уже ушла. Дима научился определять у себя она или нет. Дима почистил зубы, оделся и отправился на поиски соседки. Где ее можно найти он понятия не имел, но терпеливо ждать пока она вернется, ему не хотелось. Дима вышел на улицу, задумался в какую сторону идти и, случайно увидел Свету. Она сидела на лавочке под деревом недалеко от дома. Девушка приветливо помахала Диме рукой. Дима подошел к лавочке. Света была в черном коротком платье и в туфлях на высоком каблуке. Платье было вечерним – для выхода в свет, а не для улицы. Дима такой праздничной ее еще не видел. Света постучала ладошкой по лавочке, приглашая Диму сесть рядом. Дима послушно приземлился.

– Я нарядная? – спросила Света.

– Ага, – кивнул Дима.

– Тебе нравится или все равно?

– Нравится.

Света быстро поднялась с лавки, и на цыпочках сделала пару танцующих оборотов. Платье, похоже, было дорогим, и Света в нем смотрелась крайне соблазнительно.

– А так? – спросила девушка.

– Мощно, – ответил Дима.

– Это мое свадебное платье.

– Ты собираешься замуж? – удивленно пробормотал Дима.

– Да. Воспитанная девушка должна быть собранной.

– И за кого?

– Ты – глупый, – вдруг обиделась Света. Возникла пауза. Девушка снова села на лавку.

– А зачем ты танцевал с мертвой девочкой? – спросила Света, возобновляя разговор.

– Какой? – недоуменно переспросил Дима.

– С мертвой. Это все знают.

– Ты про что вообще?

– Тебя поэтому все боятся, – продолжала, то ли в шутку, то ли всерьез настаивать Света.

– Меня не надо бояться, тем более тебе, – сказал Дима. – Я никогда не причиню тебе ничего такого.

– Причини мне что-нибудь такое, – засмеялась девушка.

– Этот вчерашний танец был просто экспромтом, – стал

объяснять молодой человек, решив, что Света намекает на его вчерашний сумасшедший танец. – Меня настолько достала музыка, что я дал козла. Конечно, получилось мрачно-вато, но было и забудем.

– А что стало с мертвой девочкой тебе уже не интересно?

– А что может случиться с мертвой девочкой? – спросил Дима.

– Капля упала на пол/ Ты улетел в Сарапул, – кривляясь, пропела Света, и ее спутник тут же вспомнил девушку, про которую так упорно намекала его соседка. Это было позапрошлым летом.

Воспоминание.

Дима сидел в баре и курил. Обстановка была жуткой. Его друг ушел 10 минут назад по срочным делам. Дима остался. Ему некуда было спешить. Он ходил к барной стойке и вернулся с бокалом пива. Вечер догорал и дымил. Барышни пограничного возраста танцевали, стреляя глазами по редким мужчинам. Музыка была беспредельно никакой (выражение глупое, но музыка была именно такой). Дима уже собрался уходить, как за его столик опустилась молодая девушка в коротком черном платье.

– Привет, – улыбаясь, сказала она.

– Привет, – сказал Дима.

Девушка отвела взгляд и замолчала.

– Что-нибудь выпьешь? – спросил Дима, когда пауза стала

сложной.

– Мартини, – прошептала девушка. Дима встал, дошел до барной стойки и через минуту вернулся с бутылкой шампанского. Ему захотелось поухаживать за непонятной незнакомкой.

– Мартини кончилось. Шампанское? – Дима кивнул на бутылку.

– Да, – сказала девушка. Дима налил себе и девушке. Они выпили. Дима решил включить свое обаяние и стал поднимать различные темы для разговора, но девушка на них не реагировала. Она отвечала однозначно и без энтузиазма. Они выпили еще шампанского, заиграла медленная музыка, и Дима пригласил девушку на танец. Девушка согласилась.

– Я сидела в комнате.

Полноте, люди, полноте.

Бокал вина и сыр «Рокфор»

Я ем его до сих пор.

Капля упала на пол,

Ты улетел в Сарапул, – полился из колонок хриплый женский голосок. Песня была известной даже Диме. Припев про Сарапул повторялся в ней раз 300. Дима обнял девушку за талию, и они стали танцевать. Тело было ледяным. Аж, руки сводило. Дима стал шептать на ушко, что-то про «красивая» и «познакомится поближе». Девушка кивала головой и не отвечала. Когда музыка закончилась, девушка молча выскользнула из Диминых рук, схватила сумочку, оставленную

на стуле, и быстро исчезла среди танцующих. Дима вернулся за столик, давясь, допил шампанское и пошел домой.

– И что с ней стало? – спросил Дима, вспомнив историю в одно мгновение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.